

Швейцария, 1961

Путешествие в страну часов

Никогда я не испытывал так сильно гнет времени, как в дни этой поездки в страну часов. Началось с того, что я опоздал на десять минут на самолет, отлетающий в Прагу. Когда я подъехал на машине к зданию Шереметьевского аэровокзала, через ограду был еще виден огромный ТУ-104 с заведенными моторами. Он поднялся у меня на глазах. Это было ужасное зрелище. Я представлял себе, как смеялись двадцать два спортивных журналиста, сидевшие там, наверху, в мягких креслах.

Следующий самолет уходил на другой день утром, но из-за дурной погоды он вылетел только в три часа дня, и это оказалось решающим: самолет из Праги в Цюрих я тоже прозевал. Пришлось ночевать в Праге. Первый матч чемпионата я смотрел в пражском отеле «Интернациональ», в нижнем фойе, где возле телевизора собралось человек пятьдесят — одни мужчины. Они смотрели матч Канада — Швеция с молчаливым и угрюмым вниманием. Никто не говорил ни слова. В их настороженности и мол-

чании я угадывал одно: они не верили в то, что чемпионат принесет им радость. Чехи — слишком страстные болельщики и патриоты для того, чтобы увлекаться спортом «вообще»: болеют прежде всего за свою команду. А она не внушала надежд. Целый ряд неприятностей обрушился на сборную Чехословакии: накануне турнира погиб в автомобильной катастрофе тренер, накануне чемпионата произошли изменения в составе команды — ветераны ослабили игру, потеряли скорость, и их пришлось заменить молодежью.

В общем, чехи мало надеялись на успех. И потому так пасмурно и непразднично было в первый день чемпионата в Праге, в отеле «Интернациональ», где зрители стояли молчаливой толпой перед телевизором и воздух был душный от табачного дыма.

Утром я улетел в Цюрих. Там было гораздо теплее, чем в Праге, и пахло весной. Из Цюриха в Женеву поезд мчится около четырех часов. Это все равно что приехать из Германии во Францию: там все говорят по-немецки, здесь — по-французски. Но ни там, ни здесь не говорят о хоккее. За четыре часа, которые я провел в вагоне первого класса, много разных пассажиров входило и выходило на остановках в Бадене, Берне, Фрейбурге, но никто из них не говорил о хоккее. Молодой господин с отечным лицом, сидевший напротив меня, всю дорогу читал роман Сименона. Старик в клетчатом пальто держал в руках маленький транзистор, шнур от которого он вставил в ухо, и, наверное, слушал музыку. Загорелая девушка, выкрашенная в седину, в короткой юбке, открывавшей длинные загорелые ноги, перелистывала журнал мод, и читатель Сименона, перевернув страницу, каждый раз автоматически бросал взгляд на ее ноги, а бородатый парень рядом со мной жевал жвачку.

За большим квадратным окном проносилась Швейцария. Смутно-зеленые, коричневые поля, черепичные кровли, туннели, старые города, новые здания из стекла и алюминия. Горы маячили, в отдалении. Поезд бежал в долине, пересекая почти всю Швейцарию с севера на юг. Лишь один раз на стене дома мелькнула синяя афиша с клюшками — весть о хоккейном чемпионате.

Стало совсем темно, когда поезд примчался к Женевскому озеру. Внезапно из темноты возникла груда огней, желтых, розовых, голубых: это была Лозанна. Она лежала внизу, на краю черного озера, а поезд летел к ней сверху, спускаясь с горы.

В Лозанне сошли старые пассажиры и вошли новые. Все новые говорили по-французски. Но в их речи я не улавливал знакомых слов «чемпионат» и «хоккей». Многие говорили о Пежо. Газеты в эти дни были полны сообщений о поимке вымогателей, похитивших сына французского миллионера Пежо.

Через сорок минут после Лозанны поезд остановился на Женевском вокзале. Это была конечная станция. Меня и двух других москвичей встречал переводчик, долговязый господин в желтом пальто, у которого я спросил:

— Кажется, Швейцария не слишком увлечена хоккеем?

— О! — сказал он, улыбаясь. — Мы, швейцарцы, большие спортсмены!

— Да, но почему нет афиш, флагов?..

— О, у нас так всегда! У нас всегда весело.

В таком же духе он отвечал на вопросы и впоследствии. Может быть, он действительно плохо понимал по-русски, а может быть, только делал вид. Он говорил, что он бывший балетный артист.

На другой день утром я увидел первый хоккейный

матч. Около одиннадцати часов утра по пути в пресс-центр, который помещался в здании зимнего стадиона «Верне», я зашел на трибуны. Меня заинтересовал шум зрителей — непрерывный шум многих кричащих голосов, преимущественно женских. Играли команды Голландии и Югославии. Голландцы были совсем беспомощны, югославы чуть лучше. И те, и другие были озабочены главным образом тем, чтобы при сильном разгоне удержаться на ногах. Так как югославы держались на льду немного увереннее, они забросали голландцев шайбами. Зрители вопили не умолкая. Приглядевшись, я увидел, что на трибунах нет ни одного взрослого человека, это все были дети.

Служитель в униформе сказал, что на дневные матчи бесплатно пускают школьников.

Фотокорреспондент, живущий со мной в одном номере, показал серебряную монету, которую ему дали в магазине: два франка, отчеканенные в 1905 году. Что только не происходило в мире за последние пятьдесят лет! Войны, революции, крушение мировых систем, рождение новых государств, а монетка в два франка со старомодным узором из веточек — в стиле начала века — продолжала ходить из рук в руки, и на нее продолжали покупать шоколад «Нестле», сыры в серебряной обертке, часы фирмы «Лонжин» и открытки с видами Женевского озера. Во время последней войны были, вероятно, перебои с апельсинами, но потом это наладилось. А вокруг швейцарских границ, в соседних странах, миллионы людей умирали от бомб, гибли от голода и в газовых камерах.

Все это не имеет отношения к хоккею. Просто мне думается, что хоккей — слишком нервная и беспокойная игра для швейцарцев. Они любят тишину. Они не любят криков, суматохи, быстрых движений и ничего такого, что

напоминало бы драку. А хоккей иногда напоминает драку — правда, только внешне, потому что по существу это игра в высшей степени рыцарская и благородная.

Швейцарцы любят игру в кегли и футбол на велосипедах.

Большинство матчей чемпионата проходит при полупустых трибунах. Даже свою собственную команду швейцарцы не балуют вниманием и почти не посещают матчи с ее участием. Они иронизируют над своей командой и изображают ее карикатурно в газетах: например, в виде коровы, стоящей на коньках на льду. Но матчи фаворитов — Канады и Советского Союза — делают полный сбор.

Вечером были интересные игры в Лозанне. Первыми встречались команды Канады и Западной Германии. Наибольшее впечатление у меня осталось от канадских туристов. Они сидели как раз сзади меня: человек двадцать мужчин и две женщины. Они все были пьяные и продолжали пить во время матча. Два парня то и дело вскакивали и что-то орали, размахивая бутылками. Они были недовольны тем, что немцы сопротивляются. Потом один из них свалился и заснул, и приятель держал его на руках, продолжая орать и прикладываться к бутылке. Канадцы выиграли без особого напряжения.

В Лозанне было холодно. Каток «Моншуази» расположен возле самого озера, под открытым небом. Летом здесь бассейн, и над катком стоит вышка для прыжков в воду, которую теперь использовали фотокорреспонденты. Вторым матчем того вечера была встреча Швеции и Советского Союза. Трибуны были переполнены. Многие болели за нас, но еще больше — против. И это было понятно: в Швейцарии почти не было туристов из стран народной демократии.

На трибуне кто-то поднял самодельное белое полотнище с надписью «СССР», затем рядом появилось еще одно: «Привет советским игрокам». Потом мы узнали, что там стояли товарищи из общества «Швейцария — СССР». В перерыве какие-то хулиганы пытались отнять плакат с надписью «Привет советским игрокам» и даже сломали древко, но швейцарцы, державшие плакат, отразили нападение: один парень схватил сломанное древко и стал бить им хулиганов по головам. После минутного смятения плакат появился вновь.

В матче со шведами, который выиграли наши хоккеисты, лучше всех играла тройка братьев Майоровых. И в дальнейшем ходе чемпионата выяснилось, что спартаковская тройка — Борис и Евгений Майоровы и Вячеслав Старшинов — оказались наиболее боевой и результативной. Способным хоккеистам, к сожалению, не всегда удавалось сдерживать свой пыл, и они чаще, чем другие наши хоккеисты, гостили на скамье оштрафованных.

Забегая вперед, скажу, что, приехав в Москву, я был очень огорчен, узнав о неспортивном поведении спартаковцев в играх на Кубок. Молодым хоккеистам не хватает умения обуздывать свой темперамент, а без этого не может быть классных игроков.

Но из песни, как говорится, слова не выбросишь. В Швейцарии спартаковцы играли хорошо. Хорошо проявили они себя и в злополучной игре с чехами. Если бы две другие тройки действовали хотя бы в половину с таким азартом, с такой спортивной злостью, как тройка Майоровых, мы бы выиграли этот матч. Я не видел матча более нелепого и драматичного, чем игра с чехами на женевском катке «Верне».

Началось с того, что, придя на каток, мы не узнали наших игроков: они были в желтых рубашках, а чехи — в

красных и в белых шлемах, придававших им очень воинственный вид. У наших сразу игра не заладилась. Было похоже на то, что они отнеслись к матчу не слишком серьезно — и тут же поплатились за это. Перестроиться во время игры трудно. Странные манипуляции Сологубова в своей зоне привели к тому, что чех Старши забил одну и через несколько минут вторую шайбу. На трибунах возникло изумленное и радостное движение. Зрители как будто проснулись — запахло сенсацией! Чехи еще не верили, что могут победить, а наши вдруг почувствовали, что положение серьезно и грозит бедой, но находились в состоянии непобедимой растерянности, какого-то морального оцепенения, вывести из которого их мог только чей-то решительный поступок. Коллективной игры не получалось — тут нужен был личный пример. Его показал Старшинов. Он прорвался в зону чехов, обошел одного защитника, другого и из трудного положения самостоятельно — или, как пишут в здешних протоколах, «соло» — забил шайбу. Это случилось за минуту до конца первого периода. Счет стал 2:1 в пользу чехов, но главное заключалось в том, что Старшинов исцелил свою команду от неуверенности.

Сразу после перерыва советские хоккеисты ринулись в бой, и Евгений Майоров с подачи брата забросил вторую шайбу, а вскоре затем Якушев в свалке у ворот толкнул третью. Мы повели в счете, и чехи уже как будто смирились со всем происходящим, и зрители тоже успокоились, решив, что сенсации не будет. Но тут случилась несуразная оплошность у нашего молодого вратаря Чинова — оплошность, ставшая роковой для всего матча. Чинов неудачно принял шайбу, и она отскочила в сетку. Счет стал 3:3. вновь ошеломление в наших рядах, вспышка небывалой энергии у чехов, вновь ошибка наших

защитников — и... гол.

Чехи опять впереди. Ни один режиссер не мог бы срежиссировать этот спектакль лучше. Зрители получали истинное наслаждение от игры, полной такого напряжения и неожиданностей, но нам, болельщикам советской команды, было невесело.

Третий период начался с шайбы Евгения Майорова, которую судья не засчитал. Все приходилось начинать сначала. Снова догонять, снова взбадривать упавший боевой дух. И опять спартаковская тройка выручила команду: Борис Майоров забросил четвертую шайбу. Тут были ликование, объятия, Евгений целовал Бориса, и всем нам казалось, что опять произошел перелом и сейчас все наладится, но опять случилось непредвиденное: у чешского вратаря сломался конек, и игру прекратили. Чехи отдышались. Перерыв был им на руку. Последние минуты игра шла под громовой шум трибун. Чешские болельщики, размахивая красно-сине-белыми флажками, кричали: «Ви-дер-жать! Ви-дер-жать!» По-прежнему никто не верил в то, что чехам удастся избежать поражения, Ничью все расценивали как их победу.

И вдруг — в который раз! — грубейший промах Сологубова, прорыв чешского нападающего, и пятая шайба влетает в наши ворота.

Чешские игроки, сидевшие в это время на скамейке, вскочили со своих мест, стали бросать в воздух рукавицы, бумажные стаканчики, из которых они пили воду, а самые горячие изо всей силы барабанили клюшками по борту. Чехи на трибунах хором кричали: «Доб-же! Доб-же!»

В хоккее учитывается только «чистое» время. Стрелка секундомера бежит по циферблату лишь в те секунды, когда на поле идет игра. Хоккейное время сурово, оно не расходуется на пустяки. И оно беспощадно. Его

нельзя «тянуть», как в футболе, и нельзя останавливать ни на минуту, прося об отдыхе, как в баскетболе.

С отчаянием следили мы за тем, как двигалась по громадному циферблату часов «Лонжин» длинная красная стрелка, отсчитывавшая секунды. Чехи ложились под шайбу. Падали друг на друга. Их вратарь Миколаш совершал акробатические прыжки. В общем, они играли великолепно и даже героически. За минуту до конца мы сняли своего вратаря и поставили шестого нападающего, но это не помогло.

Звук финальной сирены слился с криком восторга победителей. Медленно пополз по флагштоку флаг Чехословацкой Социалистической Республики, оркестр заиграл гимн, и чешские хоккеисты начали петь слова гимна, сначала робко и невнятно, потом все громче и громче, и чехи на трибунах стали петь тоже. Последние слова они пропели довольно громко и дружно. Можно себе представить, как они были счастливы в эти минуты!

Сенсация все же совершилась. Ни один спортивный специалист, ни одна газета не давали Чехословакии каких-либо шансов рядом с двумя лидерами — Канадой и Советским Союзом. И вот теперь положение обострилось.

...В воскресенье нам надо было успеть побывать на двух играх, и обе были решающими. Днем в Лозанне играли чехи со шведами, а вечером в Женеве советские хоккеисты встречались с канадцами. Судьба чемпионата решалась в один день на двух катках. Утром мы мчались из Женевы в Лозанну — семьдесят километров по шоссе вдоль озера, мимо старинных маленьких городков, мимо одиноких вилл, где на окнах были спущены жалюзи, открытые террасы имели нежилой вид, к каменным стенам лепились голые сетки плюща, — и не замечали великолепной весенней природы, морского запаха, который шел

от озера и врывался сквозь открытые окна в наш автобус, не замечали гор на горизонте.

Мы разговаривали о хоккее. Все были убеждены в том, что чехи отдадут последние силы, чтобы вырвать победу у шведов, потому что в случае выигрыша у канадцев они становятся чемпионами мира.

В Лозанне было солнечно и жарко. Представители прессы сидели на солнцепеке, сняв пиджаки и даже закатав рукава рубашек. Шведы бегали в два раза медленнее чехов, и в десять раз меньше им нужна была победа. Поэтому они проиграли.

Через два с половиной часа по той же дороге мы, ехали обратно в Женеву, по-прежнему не замечая ничего вокруг. Много машин вместе с нами мчалось в Женеву. В конце чемпионата интерес швейцарцев к хоккею несколько повысился, и площадь перед зданием закрытого стадиона напоминала порядочную площадь порядочного стадиона во время больших состязаний. Она вся была заставлена автомобилями, и много людей с нервными, обеспокоенными лицами толпилось у входа, спрашивая билеты. Перед началом игры болельщики канадской команды, которых было довольно много на трибунах, кричали хором какие-то слова и размахивали самодельными флажками. Многие из канадцев, зрители, были почему-то в белых ковбойских шляпах. А когда на поле выехали хоккеисты, эти болельщики-фанатики, или «фаны», как их называют в Западной Европе, подняли такой шум, такой свист и трезвон колокольчиками, что заглушили голос судьи-информатора, говорившего в микрофон.

Мы проиграли с малоприятным счетом 1:5. Мы играли значительно хуже канадцев и, что особенно обидно, значительно хуже того, как мы играли обычно. Слабо, как и все матчи турнира, играли защитники и вратарь Чингов. Из

нападающих лучшей тройкой и в этой игре оказалась спартаковская. Борис Майоров, лучший снайпер турнира, забил единственную шайбу.

...Часы фирмы «Лонжин» бесстрастно отсчитывали время. Завыла финальная сирена. Ее отвратительный трубный голос — так воют сирены «скорой помощи» и пожарные машины — прозвучал для нас как голос несчастья. Итак, канадцы заняли первое место, чехи — второе, мы оказались лишь на третьем.

Поздно вечером я шел через весь город домой в свой отель рядом с вокзалом и думал о том, как мало стоят все наши прогнозы и предположения. Настоящий ответ дает время. На пустынных улицах Женевы сверкали залитые огнями витрины. Каждый третий магазин был часовой. Каких только часов тут не было, и каких фирм, и каких расцветок.

Я останавливался перед витринами с деревянными ходиками в виде маленьких, ярко раскрашенных избушек. Эти дешевые часы, продающиеся здесь как сувениры, были различной величины, и у них были различные маятники: одни двигались медленно и плавно, другие торопились, а самые маленькие дергались в бешеном темпе. И все это создавало впечатление какой-то фантастики, нереальности, перепутанного времени...

В самолете, на котором я летел из Цюриха в Прагу, возвращались домой чехословацкие хоккеисты. Когда самолет опустился на пражском аэродроме, к нему издали бросилась большая толпа людей. Впереди бежали дети, сотни мальчишек и девочек, с цветами, с флагами, с какими-то бумажками и блокнотами. Подрулить к аэровокзалу пилот не рисковал. Приехал трактор и медленно потащил самолет поближе к перрону. Взрослые образовали живую цепь вокруг самолета, чтобы не подпускать

детей. Мы не могли выйти из кабины минут сорок. Наконец мы вышли. Нас тоже приветствовали. Но когда появились хоккеисты в ярко-синих пальто, в красных шарфах, впереди — Бубник с Кубком чемпионов Европы, вся огромная толпа пришла в движение, люди кричали, махали руками, вставали на цыпочки, поднимали над головами детей. День был такой же ветреный, холодный, с серым небом, как две недели назад, но как изменились лица! Тут были рабочие, военные, женщины с хозяйственными сумками, люди в очках, старики, старухи. Это было настоящее, неподдельное народное торжество.

А мы молча стояли, затертые со своими чемоданами в этой толпе, и радовались за наших друзей.

Самая драматичная игра чемпионата: СССР — Чехословакия. Шайбу ведет В. Бубник.